

Оноре де Бальзак
Проклятое дитя

Перевод с французского
Наталии Немчиновой

ФТМ

Оноре Бальзак
Проклятое дитя

«ФТМ»

Бальзак О. д.

Проклятое дитя / О. д. Бальзак — «ФТМ»,

Действие повести перенесено Бальзаком в XVI век, в жестокую эпоху религиозных войн. Писатель не останавливается подробно на исторических событиях, однако суровые нравы эпохи феодального произвола и насилия показаны ярко и убедительно через трагическую судьбу жены и сына герцога д'Эрувиля, убитых страхом перед жестоким деспотом.

© Бальзак О. д.

© ФТМ

Содержание

I. Как жила мать	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Оноре де Бальзак

Проклятое дитя

Баронессе Жемс де Ротшильд¹.

I. Как жила мать

Однажды зимою, около двух часов ночи, графиня Жанна д'Эрувиль почувствовала сильнейшие боли и тогда, несмотря на свою неопытность, догадалась, что у нее близятся роды; повинуясь инстинкту, который заставляет больного ворочаться с боку на бок в надежде, что ему станет легче, она приподнялась, – то ли затем, чтобы прислушаться к таким новым для нее невиданным мукам, то ли обдумать свое положение. Она испытывала жестокий страх, но не столько перед опасностями первых родов, которые так пугают всех женщин, сколько перед участью, ожидающей ее ребенка. Чтобы не разбудить мужа, лежавшего рядом с нею, бедняжка, терзаясь ужасом, двигалась с величайшей осторожностью, словно узник, совершающий побег из тюрьмы. Боли все возрастали, однако она перестала их чувствовать, ибо все свои силы сосредоточила на труднейшем деле: упираясь влажными от холодной испарины ладонями в подушку, она старалась заставить свое обессилевшее от страданий тело тихонько передвинуться и принять более удобную позу. При малейшем шорохе огромного, крытого зеленым муаром стеганого одеяла, под которым ей так плохо спалось на брачном ложе, она замирала, словно раздавался удар колокола. Ей надо было следить, не проснулся ли граф, и, опасливо прислушиваясь к шелесту хрустящего плотного шелка, она в то же время не сводила взгляда с широкого обветренного мужского лица, перечеркнутого длинными усами, касавшимися ее плеча. Стоило вырваться у спящего короткому храпу, она вздрагивала, кровь бросалась ей в лицо, усиливая лихорадочный румянец, горевший на ее щеках от двойного волнения. Преступник, пробравшийся ночью к двери своей темницы и стремящийся бесшумно повернуть ключ в безжалостной, скрипучей замочной скважине, не мог бы испытывать больше отваги и робости. Когда графине удалось приподняться и сесть на постели, не разбудив своего стража, она сделала веселый детский жест, в котором сказалась вся ее трогательная наивность; но улыбка, промелькнувшая на ее устах, тотчас угасла, какая-то дума омрачила ее чистое чело, а голубые миндалевидные глаза вновь приняли печальное выражение. Она тяжело вздохнула и с великой осторожностью опять оперлась ладонями о роковое изголовье супружеского ложа. Затем, словно впервые со дня свадьбы чувствуя себя свободной в своих поступках и мыслях, она внимательно посмотрела вокруг, быстро вытягивая шейку, точно птица в клетке. Увидев ее в это мгновение, каждый без труда угадал бы, что когда-то она была жизнерадостна и шаловлива, но судьба внезапно подкосила под корень юные ее надежды и обратила ее простодушную веселость в уныние.

Спальня принадлежала к числу тех покоев, которые еще и в наши дни восьмидесятилетние старички привратники показывают путешественникам, осматривающим старинные замки, и говорят при этом: «Вот парадная опочивальня, здесь однажды ночевал Людовик Тринадцатый». Стены обтянуты были гобеленами темного колорита, их окаймляла широкая рама орехового дерева, отделанная тонкой резьбой, но почерневшая от времени. Выступающие потолочные балки образовывали кессоны, украшенные арабесками столетней давности, и сохраняли естественный цвет каштанового дерева. Убранство этой спальни, отличавшееся суровыми тонами, так мало отражало света, что трудно было различить рисунки гобеленов даже в такие часы дня, когда солнце озаряло всю эту высокую и просторную комнату продолговатой формы. Серебряный светильник, стоявший на колпаке обширного

камина, освещал ее так слабо, что дрожащий его огонек напоминал тусклую звездочку, минутами проливающую свет сквозь сероватую пелену облаков в осеннюю ночь. С облицовки камина, сложенного напротив кровати, на графиню смотрели высеченные в мраморе смешные уродцы, такие безобразные, что она не решалась остановить на них взгляд, – ей боязно было: вдруг они зашевелились, а из их широко разинутых искривленных ртов понесется громкий хохот. В этот час на дворе бушевала ужасная буря, порывы шквала проникали в камин, там эхо вторило их завываниям и придавало им что-то зловещее; широким своим дымоходом очаг этот хорошо сообщался с небесами, и многочисленные головни, тлевшие в нем, казалось, дышали, как живые: по воле ветра они то вспыхивали, то угасали. Высеченный из белого мрамора герб д'Эрувилей с резными украшениями над ним и с фигурами, державшими его, придавал сходство с гробницей этому монументальному сооружению, парному с кроватью, – вторым монументом, воздвигнутым во славу Гименея. Современному архитектору было бы трудно решить, рассчитаны ли пропорции опочивальни для помещения в ней этой огромной кровати, или же кровать сделана именно для этой огромной опочивальни. Два амура, игравшие меж резных гирлянд на шатровом навесе орехового дерева, могли сойти за ангелов, а на колонках из того же дерева, поддерживавших этот деревянный купол, изображены были мифологические аллегории, объяснение которым следовало искать в Библии и в «Метаморфозах» Овидия². Уберите кровать – и шатровый навес с таким же успехом мог бы осенять кафедру проповедника у церковного амвона или же выситься на середине храма над скамьями знатных прихожан. Супруги поднимались к своему ложу по трем ступенькам, – оно стояло на помосте и с двух сторон было задрапировано зеленым муаром с крупным блестящим узором, именуемым «щебетанье», – может быть, потому, что он представлял собою символическое изображение певчих птиц. Эти огромные полотнища шелка ниспадали такими жесткими складками, что ночью они могли показаться металлическими. На задней и единственной стене навеса, устроенного над этим ложем владетельного сеньора, суеверные графы д'Эрувили всегда вешали большое распятие, и раз в год, в вербное воскресенье, капеллан замковой часовни украшал его новой освященной веткой букса и менял святую воду в кропильнице, врезанной в подножие креста.

По одну сторону камина стоял красивый ларь драгоценного дерева и великолепной работы, – в те времена девушки еще получали такие лари в подарок в день своей свадьбы. Эти старинные сундуки, за которыми так охотятся наши антиквары, представляли собою арсенал, откуда женщины черпали сокровища своих богатых и изящных уборов: там хранились кружева, парчовые юбки, высокие кружевные воротники, дорогие платья, кошелечки, которые привязывали к поясу, маски, перчатки, воздушные покрывала, словом, все изобретения кокетства XVI века. По другую сторону камина для симметрии стоял второй высокий ларь, в котором графиня держала свои книги, бумаги и драгоценности.

Убранство этого покоя завершали два старинных кресла, обитые узорной шелковой камкой, и большое, вывезенное из Венеции зеленоватое зеркало в красивой раме, поставленной на колесики, – своего рода передвижной туалет. Пол устлан был дорогим персидским ковром, свидетельствующим о любезном внимании графа к жене. На верхней ступеньке помоста стоял маленький столик, на который служанка каждый вечер ставила серебряный или золотой кубок с пряным напитком.

Уже с первых шагов в жизни мы познаем тайное влияние места, в котором находимся, на наше расположение духа. Кому не случалось в бедственные минуты искать в окружающих нас предметах залог утешительной надежды? И в счастье и в несчастье человек приписывает особое значение вещам, среди которых он живет, вслушивается в их прорицания, про-

² «Метаморфозы» Овидия – поэма римского поэта Публия Овидия Назона (43 год до н. э. – 17 год н. э.), в основу которой положены мифы о различных превращениях богов, героев и людей.

сит у них совета, – настолько он по природе своей суеверен. Вот и графиня обводила таким взглядом вещи, стоявшие в ее опочивальне, словно то были живые существа; она как будто просила у них помощи и покровительства, но вся эта мрачная роскошь казалась ей неумолимой!

Вдруг буря усилилась. Молодая женщина уже не смела надеяться ни на что хорошее, слыша грозный голос урагана, ибо в те века суеверия перемены погоды истолковывались каждым по-своему, в зависимости от его мыслей и привычек. Графиня устремила взгляд в дальний конец комнаты, к двум стрельчатым окнам. Но сквозь маленькие стеклышки, скрепленные частым свинцовым переплетом, она не могла увидеть, что творится на небосводе, и решить – не началось ли светопреставление, которое предсказывали монахи, алчущие даров от верующих. Сейчас было бы нетрудно поверить их пророчествам: так страшно ревело разбушевавшееся море, так били волны о стены замка, так грозно завывал ураган, казалось, сотрясавший даже скалы.

Хотя схватки следовали одна за другой и становились все мучительнее, графиня не осмеливалась разбудить мужа; она лишь пристально всматривалась в его черты, как будто ждала от него поддержки, пав духом от множества грозных предзнаменований. Но если все вокруг было угрюмым, лицо ее мужа даже в спокойствии сна было еще угрюмее. Колеблемый ветром огонек догорающего светильника, проливая слабый свет на край постели, мгновеньями озарял голову графа, и дрожащие светлые блики, пробежавшие тогда по неподвижному лицу, придавали ему странное выражение – как будто спящего даже в сонном забытии волновали бурные мысли. Графиня затрепетала и успокоилась, лишь когда поняла причину такого явления. Всякий раз, как луч света падал на это широкое лицо, а тени подчеркивали его характерные бугристые выпуклости, ей казалось, что муж сейчас откроет глаза и устремит на нее нестерпимо суровый взгляд.

Лицо его было беспощадно, как война, которая шла тогда между католической церковью и кальвинизмом³, и оставалось грозным даже во сне; резкие складки – следы волнений бранной жизни – придавали ему смутное сходство с каменными, источенными непогодой изваяниями, украшавшими здания тех времен; до времени поседевшие волосы, подобно кустикам белого мха на стволах старых дубов, совсем некрасиво окаймляли это лицо, на котором запечатлелись лютые страсти, порожденные религиозной нетерпимостью. Орлиный нос, формой своей действительно напоминавший клюв сей хищной птицы, темные тени под желтыми глазами, помятые веки, острые скулы и впалые щеки, жесткие и глубокие морщины, презрительно опущенные уголки губ – все обличало в нем честолюбие, деспотизм, силу воли, тем более страшную, что узкий лоб говорил о полном отсутствии мысли у этого человека и о храбрости, лишенной великодушия. Лицо графа было донельзя обезображено широким красным шрамом, который шел через правую щеку до самого уха и подходил на второй рот. В возрасте тридцати трех лет, желая прославиться в злополучной религиозной войне, начало которой положила резня Варфоломеевской ночи⁴, граф был тяжело ранен. Это злосчастье, говоря языком того времени, еще усилило его ненависть к врагам католической религии, но, по вполне естественному душевному состоянию, ненависть эта распространялась и на всех мужчин, даже на его единоверцев, ежели они были красивы. Еще и до своего ранения граф был так уродлив, что ни одна дама не желала принимать его ухаживаний. Единственной женщиной, к которой он в молодости пылал страстью, была знаменитая куртизанка, прозванная Прекрасной Римлянкой.

³ ...война... между католической церковью и кальвинизмом. – Кальвинисты, или гугеноты, – сторонники протестантского вероучения, основателем которого был Кальвин (1509–1564). Имеются в виду религиозные войны во Франции (1562–1594).

⁴ Варфоломеевская ночь – массовая резня гугенотов, произведенная католиками в Париже в ночь на 24 августа 1572 года. Резня вызвала новую войну между католиками и гугенотами.

Недоверчивость, развившаяся в нем вследствие злополучной раны, нового уродства, внушала ему необоримое подозрение, что теперь никакая женщина не может искренне полюбить его; характер графа стал свирепым, и если ему и случалось иметь успех в любовных делах, то он обязан был этим лишь страху, который вызывала его жестокость. Довершающим штрихом портрета нашего неистового католика будет описание его руки, которая свешивалась сейчас с постели. Эту огромную волосатую руку он протянул словно для того, чтобы охранять жену, как скупец охраняет свое сокровище, и корявая эта рука, пораженная переплетением толстых жил и выпуклых мышц, походила на ветку бука, обвитую пожелтевшими стеблями плюща. Посмотрев на лицо графа, ребенок принял бы его за того самого людоеда, о котором нянька ему рассказывала страшные сказки. А по одному уж тому, какое большое место в длину и ширину граф занимал в постели, можно было угадать в нем гиганта. Лохматые, нависшие над орбитами брови оттеняли светлые глаза, горевшие свирепым огнем, словно у волка, притаившегося в густых кустах. Ноздри были выпуклые, как у льва. Верхнюю губу скрывали густые, но совсем не холеные усы, ибо граф до крайности пренебрегал заботами о своей внешности. Уста его в ту минуту безмолвствовали, – к счастью для графини, ибо ее охватывала дрожь даже при самом тихом звуке его хриплого голоса.

Хотя графу д'Эрувилю едва исполнилось пятьдесят лет, на первый взгляд ему можно было дать все шестьдесят, – настолько поблекло его лицо в утомительных походах, не отразившихся, однако, на его мощном сложении; впрочем, граф несколько не желал походить на придворных красавчиков.

Графиня, которой шел тогда восемнадцатый год, представляла собою столь разительный контраст этому грубому великану, что было больно смотреть на нее. Каштановые волосы, кое-где отливавшие золотом, спускались на ее шейку пушистым облачком, а меж темных локонов выглядывало прелестное тонкое лицо, – именно такую нежной красотой Карло Дольчи наделял своих мадонн, поражающих белизною, подобной цвету слоновой кости, и страдальческим выражением, как будто они вот-вот скончаются от жестоких телесных мук. Она казалась чистым видением, ангелом, ниспосланным для того, чтобы смягчить суровость графа д'Эрувиля.

«Нет, он не убьет нас! – мысленно воскликнула она, всматриваясь в лицо мужа. – Ведь он такой честный, благородный, храбрый и верен своему слову. Верен своему слову?» Повторив про себя это утверждение, она вздрогнула всем телом и замерла, словно оцепенела.

Чтобы понять весь ужас положения, в котором оказалась графиня, необходимо добавить, что ночная сцена происходила в 1591 году, то есть в те времена, когда во Франции шла гражданская война и когда законы не имели силы. Жестокости Лиги, противившейся восшествию Генриха IV на престол⁵, превосходили все бедствия гражданской войны. В стране цариле беззаконие, никто не удивлялся, если знатный человек приказывал заколоть своего врага среди бела дня на глазах у всех. Когда кто-нибудь в своих личных интересах снаряжал и вел в поход войско под знаменем Лиги или же короля, это вызывало величайшие похвалы одной из враждующих сторон. Таким образом, вояка Баланьи⁶ чуть было не стал владельцем принцем у ворот Франции. Что же касается убийств, происходивших, так сказать, в семейном кругу, то о них, по словам современника, беспокоились не более чем об охалке

⁵ ...*Лиги, противившейся восшествию Генриха IV на престол.* – Католическая лига 1576 года – объединение французского католического духовенства, феодальной знати и дворянства (в основном север Франции), северофранцузской буржуазии и ремесленников (главным образом Парижа), выступала против гугенотов-кальвинистов; фактически распалась в конце 1576 года. В 1585 году Лига была восстановлена; главную роль в ней играла Парижская лига – объединение широких слоев парижского населения. В 1593 году Лига пошла на соглашение с принявшим католичество Генрихом Бурбонским и признала его королем (Генрих IV).

⁶ *Баланьи* – маршал Франции. Во время религиозных войн он поочередно переходил на сторону то одной, то другой враждующей партии.

сена, если только эти преступления не совершались с чересчур зверской жестокостью. Незадолго до смерти короля некая придворная дама убила дерзкого дворянина, который вел о ней непристойные речи. Один из любимцев Генриха III сказал ему: «Клянусь Богом, она его ловко зарезала!» Суровыми казнями граф д'Эрувиль, один из самых ярых приверженцев короля в Нормандии, держал в повиновении Генриху IV всю западную часть этой провинции, соседствующую с Бретанью. Он был главой одного из знатнейших во Франции и богатейших семейств да еще значительно увеличил доходы от своих многочисленных поместий, женившись за семь месяцев до той ночи, с описания которой начинается наше повествование, на юной девице де Сен-Савен; по воле случая, довольно часто бывавшего в те времена, когда люди мерли, как мухи, она внезапно оказалась наследницей достояния двух ветвей дворянского рода де Сен-Савенов. Основами этого супружеского союза были только необходимость и страх. Два месяца спустя, на пиру, который город Байе задал графу и графине д'Эрувиль в честь их бракосочетания, поднялся спор, который в ту невежественную эпоху был найден весьма нелепым; речь зашла о таком вопросе: признавать ли законными детей, родившихся через десять месяцев после смерти мужа, и тех, что родились через семь месяцев после первой брачной ночи.

– Сударыня, – резко сказал граф, повернувшись к жене, – ежели вы подарите мне ребенка через десять месяцев после моей смерти, тут я бессилен. Но не вздумайте рожать через семь месяцев после свадьбы!..

– А что бы вы тогда сделали, старый медведь? – спросил молодой маркиз де Верней, полагая, что граф хочет пошутить.

– Напрочь свернул бы голову и матери и ребенку.

Столь решительный ответ сразу оборвал обсуждение вопроса, неосторожно поднятого одним из нормандских сеньоров. Гости умолкли и с каким-то ужасом смотрели на прелестную графиню д'Эрувиль. Все были уверены, что свирепый феодал наверняка осуществит свою угрозу. Слова эти отозвались в груди его юной супруги, которая уже была тогда беременна; предчувствие, как молния, мелькнуло в ее душе и, озарив будущее, сказало ей, что она родит семимесячного младенца. Вся кровь волной хлынула у нее к сердцу, жар побежал по жилам, однако тело стало таким холодным, как будто ее бросили в ледяную воду. С тех пор не проходило ни одного дня, чтобы тайный ужас не омрачал самые невинные порывы ее души. И, вспомнив сейчас, как взглянул на нее муж, как зловеще прозвучал его голос, когда он произнес свой приговор, графиня вся холодела от страха, даже не чувствовала своих страданий и, наклонясь над спящим, вглядывалась в его лицо, надеясь увидеть в нем хоть искру жалости, коей тщетно искала она в часы бодрствования. Дитя, которому еще до рождения его грозила смерть, должно было появиться на свет Божий, и мать, голосом еле слышным, подобным вздоху, воскликнула: «Бедный мой!» Она не докончила, – есть мысли для матери нестерпимые. Да в эту минуту она и не в силах была рассуждать. Неведомая мука сдавила ей грудь и стеснила дыхание. Слезы покатались по щекам и, оставив за собою блестящий влажный след, повисли на краю беленького подбородка, словно капли росы на лепестке лилии. Какой ученый посмеет сказать, что на ребенка не влияют волнения матери, когда она объемлет его душой и телом, сообщая ему свои впечатления, когда ее мысль вливается в его кровь целительным бальзамом или тлетворными флюидами? Ужас, от которого содрогалось дерево, не приводил ли в содрогание его плод? Быть может, слова «Бедный мой!» были пророчеством, подсказанным видением будущего? Как затрепетала тогда несчастная мать, каким пронзительным был ее взгляд!

Угроза кровавой расправы, которая вырвалась у графа д'Эрувиля, была звеном, таинственным образом соединявшим прошлую жизнь его жены с преждевременными ее родами. Публично выраженные гнусные подозрения отравили ее воспоминания и должны были отразиться на ее будущем. Со дня рокового праздника она со страхом гнала прочь сладост-

ные картины, которые другая женщина с наслаждением воскрешала бы в памяти, и все же, вопреки ее усилиям, ее воображение часто рисовало их. Она отказывала себе в радости вспоминать те счастливые дни, когда сердце ее вольно было любить любимого. Подобно песням родной страны, исторгающим слезы у изгнанников, эти воспоминания возрождали столь сладостные чувства, что совесть юной графини д'Эрувиль упрекала ее за них, словно они были преступными, и тогда еще страшнее становилась угроза графа, – вот в чем была тайная причина смертельной тоски, томившей Жанну.

У спящих лица бывают исполнены безмятежного покоя, но хотя отдохновение тела и ума почти не изменяло злобного выражения уродливого лица графа, утешительные иллюзии несчастных манят их столь привлекательным миражем, что это спокойствие в конце концов внушило графине некоторую надежду. За окном потоками низвергался ливень, но буря уже улеглась, слышались лишь унылые завывания ветра; утихли и страхи графини, а муки, терзавшие ее тело, дали ей передышку. Глядя на человека, с которым была связана ее жизнь, графиня задумалась, отдавшись грезам столь сладким, что у нее не было сил разрушить очарование. В краткий миг волшебная сила воспоминаний, граничащая с божественным могуществом, возродила прошлое, и перед ней пронеслись картины безвозвратно утраченного счастья.

Сначала Жанна увидела смутно, словно при свете далекой, едва занимавшей зари, небольшой замок, где протекло ее беззаботное детство; вот знакомая зеленая лужайка, и прохладный ручей, и та уютная горенка, в которой так весело было играть. Вот она рвет в саду цветы, втыкает их в землю и никак не может понять, почему все они вянут, а расти не желают, хотя она так усердно их поливает. Но вот вырисовываются другие картины: огромный город и потемневшие от времени стены большого особняка, куда мать привезла ее в возрасте семи лет. В памяти всплыли смешные лица стариков-наставников, ее учителей и мучителей. Поток хлынули заученные испанские и итальянские слова, а в душе зазвучали любимые романсы, которые пела она под звуки красивой лютни, и за всем этим встал образ отца. Вот отец, председатель суда, возвращается домой из Дворца правосудия, и дочка выбегает навстречу ему, смотрит, как он, слезая с мула, становится на каменный приступок у крыльца, потом она берет отца за руку и поднимается с ним по лестнице, детским своим лепетом прогоняет заботы отца – ведь не всегда он их сбрасывал с плеч вместе с черной или красной мантией, с которой шалунья Жанна отстригала ножницами оторочку из белого меха с черными хвостиками. Лишь мельком бросила она мысленный взгляд на духовника ее тетушки, настоятельницы женской обители, не хотелось вспоминать этого строгого, фанатичного священника, на которого возложили обязанность приобщить девочку к тайнам религии. Закоснев в суровости, необходимой для подавления ереси, старик то и дело потрясал цепями ада, говорил лишь о карах небесных и страшал Жанну уверениями, что Господь Бог всегда надзирает за ней. Испуганная девочка от робости опускала глаза долу и не смела их поднять, к матери относилась с сугубой почтительностью, тогда как прежде заставляла ее принимать участие в детских своих забавах. Теперь ее юное сердце переполнял благоговейный страх, когда ей казалось, что мать сердито смотрит на нее. Потом в ее воспоминаниях предстала вдруг вторая пора детства, – когда она была подростком, ничего еще не понимающим в жизни. С сожалением, почти насмешливым, вспомнила она те дни, когда ее радости были такими наивными: она любила рукодельничать с матерью в высоком зале, где стены обтянуты были гобеленами, молиться в большой церкви, спеть романс, аккомпанируя себе на лютне, прочесть украдкой рыцарский роман, погадать, обрывая лепестки цветка, выведать, что ей подарят в день рождения, да разгадывать недомолвки и намеки, которыми старшие, случалось, обменивались при ней. Но тотчас иные мысли стерли, как стирают слово, написанное карандашом в альбом, те детские радости, что рисовало ей воображение в эту минуту отдыха от страданий, избрав их среди многих утех, которые принесли ей первые

шестнадцать лет жизни. Очарование этого океана призрачных видений сразу же затмил свет более свежих воспоминаний. Покой радостного детства не дал ей того сладостного чувства, которое она извела за два последних года, полных треволнений, годы, богатые сокровищами, навеки погребенными в ее сердце. И сразу графине вспомнилось чудесное солнечное утро, когда она вошла в большую приемную с резными дубовыми панелями, служившую столовой, и впервые увидела красивого юношу, своего родственника. Семья его матери, испуганная мятежами, происходившими в Париже, отправила этого молодого придворного в Руан, надеясь, что там он приготовится под руководством двоюродного дяди к отправлению судейских обязанностей и впоследствии должность дяди перейдет к племяннику. Графиня невольно улыбнулась, вспомнив, как живо она упорхнула из комнаты, догадавшись, что незнакомец – тот самый родственник, которого ждали в доме. Она только отворила дверь и тотчас исчезла, едва успев взглянуть на пришельца, но эта встреча оставила столь сильное впечатление в ее душе, что и поныне Жанна видела его таким, каким он был в ту минуту. Тогда она лишь мельком полюбовалась роскошной его одеждой: но в воспоминаниях она была смелее и окидывала мысленным взором весь его наряд – от лилового бархатного плаща, расшитого золотом и подбитого атласом, до застежек на его башмаках, и от красивых продолговатых прорезей на камзоле и коротких пышных штанах до кружевного отложного воротника, открывавшего стройную молодую шею, такую же белую, как это дорогое кружево. Она ласкала взором его тонкое лицо с маленькими закрученными усиками и узенькой эспаньолкой, похожей на черные хвостики, разбросанные по горностаевой оторочке судейской мантии ее отца. В глубокой ночной тишине она отдалась своим думам, устремив невидящий взгляд на тяжелые складки шелкового полога; она позабыла и о буре и о своем грозном муже и даже осмелилась вспомнить, как после многих дней, которые казались ей долгими годами: так были они полны счастья, – старый сад, окруженный почерневшей оградой, мрачные стены отцовского дома засияли золотом и светом. Она любила и была любима! Ей вспомнилось, как украдкой от строгой матери она однажды утром проскользнула в отцовский кабинет и открыла отцу свою тайну. Сначала она уютно устроилась у отца на коленях, принялась шаловливо ласкаться к нему и, дождавшись, когда улыбка заиграла на красноречивых устах председателя суда, она спросила:

– Хотите, батюшка, я кое-что скажу вам? Не будете меня бранить?

И все еще ей слышалось, как отец подвергнул ее допросу, как она впервые заговорила о своей любви и как он ответил:

– Ну что же, дитя мое, посмотрим. Ежели он будет усерден в учении, ежели пожелает стать моим преемником, ежели по-прежнему будет тебе по сердцу, вступлю и я в твой заговор.

Больше она ничего уже не слушала, поцеловала отца и, опрокинув по дороге стопку бумаг, бросилась со всех ног к развесистой липе, у которой каждое утро, до того часа, когда поднималась с постели ее строгая матушка, она встречалась с красавцем Жоржем де Шаверни. Сей придворный кавалер дал ей обещание изучить своды законов и обычаев, расстался с богатыми нарядами дворянства, носителей шпаги, и заменил их строгой одеждой служителей правосудия.

– В черном вы мне гораздо больше нравитесь, – говорила ему Жанна.

Она говорила неправду, но благодаря такому невинному обману ее любимым меньше печалился, что навсегда распрощался с кинжалом. И вспомнилось графине, какими хитростями она защищала от суровой матери счастье невинной, дозволенной и взаимной любви. Свидания в саду, когда без свидетелей так свободно шла беседа; беглые объятия, похищенный поцелуй – словом, все наивные залогов нежной и чистой любви. Словно во сне Жанна д'Эрувиль перенеслась в светлые дни, когда она корила себя за то, что слишком стала счастлива, и мысленно она покрывала поцелуями прекрасное юношеское лицо, оза-

ренное блеском огненных глаз. Она полюбила Жоржа де Шаверни, он был беден, но сколько сокровищ обрела она в его доброй и мужественной душе! И вдруг отец Жанны скончался. Шаверни не сделали его преемником, а тут запылало пламя гражданской войны. Заботами Шаверни его возлюбленная с матерью нашли себе тайное убежище в маленьком городке Нижней Нормандии. Вскоре умерли один за другим несколько родственников Жанны, и благодаря доставшемуся от них наследству она стала одной из самых богатых невест во Франции. Но вместе со скромным достатком пропало и счастье. Появилась свирепая и страшная фигура – граф д'Эрувиль: он попросил ее руки.словно грозовая туча, таящая в себе молнии, простерла свой траурный покров над сокровищами земли, позлащенными солнечным сиянием. Бедняжка графиня старалась отогнать воспоминания о тяжелых сценах, вызванных долгим ее сопротивлением, о слезах отчаяния, пролитых ею. Страшным видением предстала перед ней картина пожара, охватившего весь городок. Потом гугенота Шаверни бросили в тюрьму, ему грозили пытки и ужасная казнь. И вот пришел страшный вечер, когда ее мать, бледная, как смерть, бросилась к ногам дочери: «Ты можешь спасти своего брата». Жанна уступила... И ночью уже явился граф, еще покрытый кровью жертв, убитых им в сражении; все готово, все к его услугам: священник, свечи и церковный алтарь. Жанну обрекли несчастью. Зато Шаверни выпустили из темницы. Едва удалось ей проститься с прекрасным юношей.

– Жорж, если ты любишь меня, никогда не ищи со мной встречи!

Она все еще слышит удаляющиеся шаги благородного своего друга. Никогда она с тех пор его не видела, но хранила в глубине сердца его прощальный взгляд: он часто снился ей и чистым светом озарял ее сны.

Как кошка, запертая в клетку льва, молодая супруга графа повсечасно опасалась страшных когтей своего повелителя, всегда грозивших ей. Графиня не решалась даже надевать в иные дни, отмеченные неожиданным празднеством, те одежды, которые носила девушкой, те платья, в которых ее видел любимый. Ведь теперь, чтобы стать счастливой, ей следовало забыть прошлое и не думать о будущем. «Мне кажется, я ни в чем не виновата, но если граф признает меня виновной, значит, так оно и есть. А может быть, я и в самом деле виновата? Разве пресвятая дева не зачала без...»

И в эту минуту, когда в голове бедной женщины все мешалось и мысли ее блуждали в мире фантазии, она в простоте души приписала взорам своего возлюбленного, вложившего всю жизнь свою в прощальный взгляд, ту силу, которой исполнено было явление Богоматери архангела в день благовещения. Такое предположение, достойное дней невинности, к которым она перенеслась в мечтах, рассеялось при омерзительном воспоминании: супружеская близость с графом д'Эрувилем была для нее горше смерти. Бедняжка не могла сомневаться, что дитя, шевелившееся у нее под сердцем, законный ребенок графа. Во всем своем ужасе предстала перед нею страшная сцена первой брачной ночи, за которой последовали другие ночи и столько печальных дней!

– Ах, бедный Шаверни! – шептала она, проливая слезы. – Ты был такой кроткий и ласковый, ты всегда делал мне только добро!

Она обратила взгляд на мужа, словно желая увидеть в его чертах залог милосердия, купленного ею столь дорогой ценой. Граф уже не спал. Желтые глаза его, светившиеся, как у тигра, блестели под лохматыми бровями, и еще никогда взгляд их не был таким свирепым, как в это мгновение. Встретив этот страшный взгляд, графиня юркнула под одеяло и замерла, не смея пошевелиться.

– Почему вы плачете? – спросил граф, отдергивая одеяло, под которое спряталась его жена. В грубом его голосе, всегда так пугавшем графиню, звучала притворная мягкость, породившая у нее обманчивые надежды.

– Мне очень нездоровится, – ответила она.

– Нездоровится? Так что же, милочка, разве это преступление? Отчего вы дрожите, когда я смотрю на вас? Увы! Как добиться вашей любви?

И глубокие складки легли на его лбу меж бровей.

– По-прежнему я внушаю вам только ужас, я это вижу, – сказал он со вздохом.

Уклонившись от ответа по инстинкту слабых душ, графиня прервала мужа и, застонав, воскликнула:

– Боюсь, что у меня прежде времени будут роды! Вечером я все бегала по скалам, и, верно, мне это повредило.

Услышав эти слова, сир д'Эрувиль бросил на жену столь подозрительный взгляд, что она вздрогнула и густо покраснела. Страх, который питала к нему эта робкая женщина, граф принял за угрызения совести.

– Но, может быть, у вас настоящие роды начинаются? – спросил он.

– А что тогда? – прошептала она.

– Да то, что и в том и в другом случае нужен искусный лекарь, и я сейчас отправлюсь за ним.

Он произнес это с таким мрачным видом, что графиня вся похолодела и, упав на подушки, застонала, скорее скорбя о горькой своей участи, нежели боясь предстоящих мук. Ее стенания окончательно убедили графа, что подозрения, зародившиеся в его душе, верны. С подчеркнутым хладнокровием, которому противоречили его жесты, его голос и взгляд, он вскочил с постели, накинул на себя халат, лежавший на кресле, и прежде всего запер дверь, прорезанную возле камина и соединявшую эту парадную опочивальню с приемными покоями, которые выходили на главную лестницу.

Увидав, что муж вынул из замочной скважины ключ и оставил его при себе, графиня затрепетала, предчувствуя какую-то беду; потом она услышала, что он отпирает противоположную дверь, которая вела в другую опочивальню, где спали графы д'Эрувили в те ночи, когда они не удостаивали супругу своим посещением. Графиня только понаслышке знала о назначении этой комнаты: ревность всегда держала графа возле жены. Если какой-нибудь военный поход вынуждал его расстаться с брачным ложем, он оставлял в замке аргусов, и непрерывное их шпионство свидетельствовало об оскорбительном недоверии графа. Настороженно прислушиваясь, Жанна старалась уловить малейший шум, но больше не услышала ничего. Граф вышел в смежную с его спальней длинную галерею, расположенную в западном крыле замка. Его двоюродный дед, кардинал д'Эрувиль, большой любитель печатного слова, собрал в этой галерее библиотеку, примечательную по числу книг и красоте переплетов, и принял меры предосторожности, являвшиеся выдумкой одиночества или же монашеского страха. Стоило дернуть серебряную цепочку, и отходящие от нее потайные проволоки сотрясали колокольчик, висевший над изголовьем кровати верного слуги. Граф дернул за цепочку, и вскоре по гулким каменным плитам застучали сапоги и зазвенели шпоры графского конюшего, – он поднимался по винтовой лестнице, устроенной в высокой башне, в западном углу замка, со стороны моря. Услышав его шаги, граф отодвинул железные засовы и, отперев замок потайной двери, через которую галерея сообщалась с башней, впустил в святилище науки рубаку, крепким сложением своим и видом достойного своего господина. Еще не проснувшись как следует, он шел безотчетно; в руке он держал роговой фонарь, так слабо освещавший длинную галерею, что фигуры конюшего и графа вырисовывались в полумраке, словно два привидения.

– Седлай моего боевого коня, живо! Поедешь со мной.

Приказ дан был таким взволнованным голосом, что сонный слуга очнулся; он поднял на господина глаза и встретил пронзительный взгляд, подействовавший на него, словно электрический разряд.

– Бертран, – добавил граф, положив руку на плечо своего конюшего. – Сними кирасу и оденься капитаном гугенотского отряда.

– Боже великий! Мне одеться заговорщиком?.. Прошу прощения, ваша милость, я, понятно, послушаться не смею, но, право, лучше бы меня повесили!

Ответ, приятный для фанатика графа, вызвал у него улыбку, совсем не соответствовавшую выражению его лица, но тотчас же он нахмурился и сказал резким тоном:

– Возьми в конюшне лошадь посильнее, чтоб тебе не отставать от меня. Мы понесемся, как пули из аркебуза. Держись начеку; когда я буду готов, я опять позвоню тебе.

Бертран молча поклонился и вышел, но, спустившись на несколько ступенек, пробормотал, прислушиваясь к завываниям урагана:

– Все дьяволы разгулялись, прах их побери. Где же нашему-то дома усидеть... В такую же вот погоду мы захватили Сен-Ло.

Граф отыскал в своей спальне костюм, который частенько служил ему для военных хитростей. В дрянном камзоле он стал похож на одного из наемных рейтаров, которым так неисправно платил жалованье Генрих IV. Переодевшись, он вернулся в опочивальню, где стонала его жена.

– Потерпите немного! – сказал он. – Если понадобится, я загоню лошадь, лишь бы поскорее привезти лекаря и успокоить ваши страдания.

В словах этих не было ничего зловещего, и графиня, осмелев, хотела было задать ему вопрос, вертевшийся у нее на языке, как вдруг граф сказал:

– Скажите, где у вас лежат маски?

– Маски! – повторила она. – Бог мой, зачем вам маски?

– Где у вас маски? – спросил он с обычной своей резкостью.

– В ларе, – ответила графиня.

В те времена носить маски считалось для дам делом столь же естественным, как для нынешних женщин носить перчатки. Но графиня невольно вздрогнула, увидев, как ее муж, порывшись в ларе, выбрал для себя короткую маску. На голову граф надел дрянную фетровую шляпу с общипанным и сломанным петушиным пером и стал совершенно неузнаваем. Он потуже стянул на себе широкий кожаный пояс с ножнами и, против своего обыкновения, вложил в них кинжал. В этом жалком одеянии он был столь страшен и двинулся к постели с таким грозным видом, что графиня подумала: «Пришел последний мой час».

– Не убивайте! Не убивайте нас! – воскликнула она. – Пощадите ребенка, и я буду всегда любить вас.

– Видно, вы чувствуете себя очень виноватой, раз предлагаете мне во искупление своих грехов любовь, которую вы и так обязаны питать к супругу.

Голос графа звучал зловеще под бархатной маской, а тяжелый взгляд, устремленный на жену, совсем ее уничтожил.

– Боже мой! – горестно воскликнула она. – Я ни в чем не повинна. За что я должна погибнуть?

– Не о смерти вашей идет речь, – ответил ее господин и повелитель, выйдя из задумчивости, в которую он погрузился. – Но ради любви ко мне вы должны в точности выполнить то, что я от вас потребую сейчас.

Он бросил на постель одну из двух масок, которые держал в руке, и жалостливо улыбнулся, увидев, как вздрогнула и безотчетно прикрылась рукою его жена, когда на плечо ей упал легкий лоскуток черного бархата.

– Ну вы уж непременно родите мне трусливого неженку! – воскликнул он. – Пусть на вас будет эта маска, когда я вернусь. Я не желаю, чтобы какой-то мужлан похвалялся, что он видел графиню д'Эрувиль.

– Зачем звать мужчину для такого дела? – тихонько спросила она.

– О-о, милочка!.. Или я здесь не хозяин? – ответил граф.

– Значит, еще одна тайна? К чему же, к чему это? – в отчаянии воскликнула графиня.

Господин ее уже исчез, и этот возглас не представлял для нее опасности. Ведь зачастую угнетатель теснит свою жертву тем больше, чем сильнее говорит в ней страх.

В краткую минуту затишья меж двумя порывами бури графиня услышала бешеный топот двух коней, летевших словно на крыльях через гибельные дюны у подножия скал, на которых был воздвигнут старый замок. Быстрый этот топот был заглушен шумом волн. И вот графиня оказалась пленницей в своем мрачном обиталище, одна среди ночи, то безмолвной, то грозно ревущей, одна, бессильная отвлечь беду, приближавшуюся к ней гигантскими шагами. Графиня старалась придумать какую-нибудь хитрость, чтобы спасти своего ребенка, зачатого в слезах, ребенка, уже ставшего для нее утешением, основой всех ее мыслей, всех ее будущих радостей материнской любви, ее единственной и такой хрупкой надеждой.

Исполнившись мужества матери, она взяла медный рог, в который трубил ее муж, вызывая слуг, отворила окно и поднесла рог к губам, но извлекла из него лишь слабые дрожащие звуки, потерявшиеся над морской ширью, словно воздушный шар, выпущенный из рук ребенком. Она поняла бесполезность этой жалобы, неслышной людям, и принялась осматривать соседние покои, надеясь, что не все выходы заперты. Тщетно искала она в библиотеке, нет ли там какого-нибудь потайного хода; пройдя через длинную галерею, уставленную книгами, она выбрала окно, находившееся ближе всех других к главному двору, и снова затрубила в рог, но безуспешно боролась она с голосом бури. Совсем упав духом, она подумала было довериться одной из своих служанок, хотя все они были ставленницами ее мужа, но, пройдя в свою молельню, убедилась, что граф запер дверь, которая вела в людскую. Это было ужасное открытие. Сколько принято предосторожностей, чтобы отрезать ее от всего мира! Это говорило о намерении совершить без свидетелей какую-то ужасную казнь. И по мере того, как угасала последняя надежда, вновь поднялись боли, еще мучительнее, еще тяжелее, чем прежде. Предчувствие возможного убийства, утомительные попытки найти путь к спасению лишили ее последних сил. Она была подобна пловцу с затонувшего корабля, который преодолел уже много грозных валов, но, обессилив, идет ко дну от удара еще одной, хотя и менее страшной волны. В голове у нее мутилось от жестоких страданий, – начались роды, и она не замечала, как бегут часы. И в то мгновение, когда ей казалось, что дитя вот-вот родится, меж тем она совсем одна, без помощи, и когда ко всем ее душевным терзаниям прибавился еще страх перед каким-нибудь несчастным случаем, которым грозит ее неопытность, внезапно в комнате появился граф, – она и не слышала, как он вошел. Он предстал перед ней, словно дьявол в час истечения договора с грешником, продавшим ему свою душу: он глухо зарычал, увидя, что лицо его жены открыто; но, довольно ловко надев на нее маску, он схватил ее на руки, отнес в свою опочивальню и уложил в постель.

От ужаса перед появлением мужа и внезапным этим похищением у графини на мгновение стихли боли, и она окинула беглым взглядом действующих лиц происходившей таинственной сцены и не узнала среди них Бертрана, ибо он был переодет, а лицо его, так же как у графа, тщательно скрывала надетая маска. Верный слуга торопливо зажег несколько свечей, и свет их смешался с первыми лучами солнца, окрасившими багровым цветом стекла, затем Бертран встал в углу оконной амбразуры. Повернувшись лицом к стене, он как будто измерял ее толщину и был совершенно неподвижен, словно каменное изваяние рыцаря. Посреди комнаты графиня увидела низенького толстяка, стоявшего в полной растерянности, глаза у него были завязаны, а лицо так искажено ужасом, что невозможно было угадать обычное его выражение.

– Смерть Господня! Слушай ты, чучело, – воскликнул граф, резким движением сбросив на шею незнакомца повязку, закрывавшую ему глаза, – не вздумай здесь ничего разглядывать да подсматривать! Смотри только на ту несчастную, на которую обратишь свои познания, а не то я надену на тебя ожерелье весом в сто фунтов и швырну тебя вон в ту реку, что течет у меня под окнами.

И он легонько потянул повисший на груди перепуганного лекаря шарф, которым завязаны были его глаза.

– Сначала установи, не выкидыш ли это. В таком случае ты отвечаешь своей жизнью только за жизнь роженицы... Но если ребенок жив, принеси мне его.

Закончив эту речь, граф схватил в охапку несчастного акушера, поднял его, как перышко, перенес с того места, где он стоял, к кровати и поставил перед графиней. Затем сеньор отошел к окну и, встав в амбразуру, принялся барабанить по стеклу пальцами; оглядываясь, он то смотрел на своего слугу, то на кровать, то на волны океана, словно желая, чтобы пучина морская стала колыбелью младенцу, рождения которого он ждал.

Человек, которого граф и Бертран, совершая неслыханное насилие, пробудили от сладчайшего сна, смежившего его веки, и посадили на лошадь позади замаскированного всадника, помчавшегося затем с такой быстротой, словно его преследовали все демоны ада, был фигурой, характерной для того времени и к тому же оказавшей влияние на судьбу дома д'Эрувилей.

Ни в одну эпоху дворяне не были так несведущи в естествознании, как в те времена, и никогда еще так не были в чести предсказания астрологии, ибо никогда еще люди не жаждали так горячо знать свое будущее. Это невежество и это всеобщее любопытство внесли великую путаницу в разные области человеческих знаний; все в них устанавливалось на практике и только личным опытом, ибо систематизации и теории тогда еще не было, печатные книги стоили очень дорого, научные связи осуществлялись медленно; церковь преследовала стремление ученых основываться на исследовании явлений природы. И они стали действовать втайне. И вот для простого народа так же, как и для знатных людей, в образе медика сливалось шесть категорий ученых: физик и алхимик, математик и астроном, астролог и некроман. В те времена каждого глубоко сведущего врача всегда подозревали в колдовстве; врачуя больных, они должны были также составлять гороскопы. Впрочем, владетельные принцы оказывали покровительство этим гениям, которым открывалось будущее, и охотно давали им в своих замках кров и пищу. Знаменитый Агриппа Корнель⁷, приехавший во Францию в качестве придворного врача Генриха II, не пожелал предсказывать будущее по примеру Нострадамуса⁸, и тогда Екатерина Медичи уволила непокорного, заменив его Космой Руджиери⁹. Выдающиеся ученые, опередившие свое время, редко встречали справедливую оценку своей деятельности. Зато все они внушали страх, ибо им приходилось заниматься оккультными науками¹⁰ и применять их в своей практике.

Человек, похищенный графом, хотя и не принадлежал к числу знаменитых астрологов, пользовался в Нормандии двусмысленной славой, которая окружает лекаря, обладающего некоей таинственной силой. Человек этот был своего рода колдун, – во многих местах Франции таких лекарей до сих пор именуют костоправами. Так называли даровитых самородков, которые как будто ничему не учились, а на деле обладали зачастую наследствен-

⁷ *Агриппа Корнель* из Кельна (1486–1535) – немецкий алхимик, был особым советником испанского короля Карла V; автор книги «Оккультная философия».

⁸ *Нострадамус* (1503–1566) – французский врач и астролог; ему приписывалась способность предсказывать будущее.

⁹ *Косма Руджиери* – флорентийский астролог, привезенный Екатериной Медичи в Париж (XVI век). О нем см. книгу Бальзака «Об Екатерине Медичи».

¹⁰ *Оккультные науки* – общее название лженаук о различных «таинственных силах» и «сверхъестественных свойствах» природы. К оккультизму относятся разные виды магии, гадания, спиритизм и т. д.

ными познаниями в искусстве врачевания, долгим опытом, запасом практических наблюдений, передававшихся в семье из поколения в поколение, и занимались ремеслом костоправа, то есть вправляли вывихнутые руки и ноги, сращивали сломанные кости, излечивали животных и людей от некоторых несложных болезней и якобы обладали волшебными секретами исцеления тяжелых недугов. У Антуана Бовулуара – так звали нашего костоправа – и дед и отец были прославленными знахарями, передавшими ему много ценных, проверенных в их практике сведений и приемов, а кроме того, он учился медицине и занимался естественными науками. Крестьяне видели множество книг в его кабинете и всякие странные предметы, придававшие его врачебным успехам оттенок магии. Антуана Бовулуара не считали настоящим колдуном, но все же на тридцать лье в округности он внушал простому люду почтение, граничившее с ужасом; более опасным для него обстоятельством было то, что он располагал тайнами, касавшимися жизни и смерти местной знати. Так же, как и его дед и отец, он приобрел славу искусного акушера, и его призывали помогать при родах, при вытравлении плода, при выкидышах. В те смутные времена любовные грехи случались довольно часто, страсти были грубые, и высшему дворянству частенько приходилось посвящать мэтра Антуана Бовулуара в постыдные или страшные семейные тайны. Испытанное его умение хранить такие секреты обеспечивало ему безопасность. Клиенты платили ему щедро, и благодаря этому его наследственное состояние значительно увеличилось. Вечно он был в дороге – то его хватили насильно, как это сделал сейчас граф, то держали по многу дней у какой-нибудь знатной дамы; у него недоставало времени жениться; впрочем, его темная слава отталкивала от него девушек. Он не способен был искать себе утешения в случайных связях, которые могло бы доставить его ремесло, дававшее ему такую власть над женскими слабостями. Бедняга костоправ чувствовал, что он создан для радостей семейной жизни, и был их лишен. У этого толстяка было золотое сердце, таившееся под обманчивым обликом жизнерадостного сластолюбца: он отличался пухлой физиономией, двойным подбородком, проворством движений тучного тела и откровенной речью. Он мечтал о женитьбе и мечтал иметь дочь, которая принесла бы отцовское состояние в приданое какому-нибудь бедному дворянину, – он не любил свое ремесло «костоправа» и желал, чтобы его семья вышла из униженного положения, на которое ее обрекали предрассудки того времени. Впрочем, нрав его довольно хорошо соответствовал веселью пиров, венчавших главные его операции. Привычка быть повсюду человеком самым нужным добавила к его врожденной веселости некоторую долю важности и тщеславия. В критические минуты он любил действовать с некоторой величественной медлительностью, позволял себе дерзости, которые почти всегда принимались благосклонно. Кроме того, он был любопытен, как соловей, привередлив в пище, как борзая, и болтлив, как дипломат, который говорит очень много, но никогда не выдает своих мыслей. Несмотря на эти недостатки, развившиеся у него в многочисленных приключениях, которыми он обязан был своей профессии, Антуан Бовулуар слыл наименее зловредным человеком в Нормандии. Хотя он принадлежал к небольшому числу выдающихся умов своего времени, здравый смысл нормандского крестьянина подсказывал ему, что надо таить про себя усвоенные им идеи и свои собственные открытия.

Лишь только граф поставил его на ноги у постели роженицы, лекарь сразу обрел присутствие духа. Он стал щупать пульс у дамы, лежавшей в маске, нисколько не думая о ней в эту минуту; при помощи этого ученого приема он мог поразмыслить и действительно поразмыслил над своим положением. Ни в одном из постыдных или преступных приключений, в которых его насильно принуждали участвовать в качестве слепого орудия, не были так тщательно приняты меры предосторожности, как в данном случае. Хотя нередко клиенты обсуждали вопрос о его смерти, как о средстве, обеспечивающем успех предприятия, невольным участником которого он являлся, никогда еще его жизнь не подвергалась такой

опасности, как в эту минуту. Прежде всего он решил узнать, кто прибег к его услугам, и, установив грозящую ему опасность, постараться спасти свою драгоценную особу.

– Что надо сделать? – тихо спросил он, укладывая графиню поудобнее и приступая к оказанию ей помощи.

– Не отдавайте ему ребенка.

– Не смейте шептаться! – заорал граф громовым голосом, помешав мэтру Бовулуару расслышать еще какое-то слово, произнесенное несчастной женщиной. – А не то читайте себе отходную, – добавил сеньор, стараясь изменить свой голос.

– Кричите во весь голос, – сказал лекарь роженице. – Кричите, черт побери! У этого человека есть превосходные драгоценные камни, мне они подойдут не хуже, чем вам! Ну, мужайтесь, мужайтесь, голубушка!

– Эй, легче, легче! – снова послышался голос графа.

– Да он, никак, ревнует! – откликнулся акушер тоненьким ехидным голоском, который заглушили крики графини.

К счастью мэтра Бовулуара, природа проявила милосердие. Недоношенный ребенок появился на свет Божий таким тщедушным, что причинил матери не так уж много страданий.

– Клянусь чревом Пресвятой Девы, – воскликнул любопытный лекарь, – а ведь это, пожалуй, не преждевременные роды!

Граф в бешенстве затопал ногами, так что задрожали половицы, а графиня ущипнула лекаря.

«Ах, вот в чем дело!» – подумал Бовулуар.

– Значит, надо, чтоб это были преждевременные роды? – еле слышно спросил он графиню, и она кивнула головой, как будто не смела выразить свою мысль словами.

– Мне все еще неясно... – рассуждал лекарь.

Как всякому искусному акушеру, Бовулуару не трудно было узнать, что перед ним женщина, впервые «попавшая в беду», как он говорил. Хотя стыдливость и неопытность, сквозившие в каждом жесте графини, открыли ему ее целомудренную чистоту, хитрый лекарь воскликнул:

– А вы, сударыня, так ловко рожаете, будто всегда только этим делом и занимались.

Граф сказал тогда с ледяным спокойствием, более страшным, чем гнев:

– Дайте сюда ребенка.

– Не отдавайте ему, ради Господа Бога не отдавайте! – взмолилась мать, и почти звериный ее крик пробудил в добром и мужественном сердце низенького костоправа сострадание, привязавшее его больше, чем он сам думал, к этому высокородному младенцу, которого отверг родной отец.

– Ребенок еще не родился. Что по-пустому спорить? – холодно ответил он, заслоня собою младенца.

Удивляясь, что новорожденного совсем не слышно, лекарь внимательно смотрел на него, опасаясь, что он уже умер. Граф заметил обман и ринулся к постели.

– Лик Господень, пресвятые мощи! Отдай мне его сейчас же! – воскликнул сеньор, вырывая из рук врача невинную свою жертву, издававшую слабый писк.

– Осторожней! Ребенок очень слабенький, он почти без дыхания, – сказал мэтр Бовулуар, ухватив за руку графа. – Несомненно, он не доношен, родился семи месяцев.

С нежданной силой, порожденной порывом жалости, он разжал пальцы графа и сказал ему на ухо прерывающимся голосом:

– Избавьте себя от преступления: он и так жить не будет...

– Негодяй! – запальчиво воскликнул граф, у которого лекарь вырвал из рук младенца. – Да кто тебе сказал, что я хочу смерти своего первенца? Разве не видишь, я ласкаю его?

– Подождите, когда ему будет восемнадцать лет, тогда и ласкайте его таким вот образом. Окрестите-ка его поскорее, – добавил он, озабоченный своей собственной безопасностью, ибо он узнал сеньора д'Эрувиля, который, разгорячившись, позабыл изменить свой голос. – Окрестите поскорее и не говорите матери, какой я приговор ему вынес, а не то вы убьете ее.

Слова эти спасли младенца, ибо предсказания лекаря о неминуемой смерти недоноска преисполнили графа тайной радости, и он весь вострепнулся, невольно выдав свое удовольствие.

Бовулуар поспешил отнести новорожденного к матери, лежавшей в обмороке, и укоризненным жестом указал на нее, желая припугнуть графа, который довел жену до такого состояния. Графиня лишилась чувств, услышав, о чем они шептались, ибо нередко бывает, что в критические минуты жизни органы чувств приобретают у человека неслыханную тонкость восприятий; однако плач младенца, положенного рядом с нею на постели, словно по волшебству вернул ее к жизни; ей почудилось, что она слышит голоса двух ангелов, когда, воспользовавшись криком ребенка, лекарь наклонился к матери и шепотом сказал:

– Ухаживайте за ним хорошенько, и он проживет сто лет. Бовулуар в таких делах толк понимает.

Вздых небесного счастья, слабое пожатие руки были наградой лекарю; прежде чем передать новорожденного нетерпеливой матери, жаждавшей обнять своего младенца, он внимательно осмотрел это хрупкое создание, у которого на коже отпечатались следы железных пальцев графа, – лекарь хотел удостовериться, что отцовская ласка не изувечила слабенького тельца ребенка. Каким-то безумным движением мать схватила своего сына, спрятала его возле себя, и в отверстия маски сверкнули ее глаза, метнувшие на графа такой угрожающий взгляд, что Бовулуар вздрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.